

покрывного стекла. Ставаемы им шлифы всегда были уложены в картонную коробку с краевыми деревянными направляющими. Каждый шлиф в такой коробке стоял отдельно, и можно было не опасаться, что один шлиф склеится с другим.

Сам Петц — пухленький добродушный старичок. Шафрановский в своем письме пишет, что он был похож “на толстого добродушного немецкого гнома”. Встречал он нас, студентов, с неманенной улыбочкой и очень долгими, зачастую весьма интересными разговорами. Меня он обучал искусству изготовления кристаллических моделей, показывал, как действует пила, насаженная на угольмер, как надо строить модель кристалла, а также как работать древелью для сверления шариков.

Музей Петц, безусловно, очень любил и показывал мне в витринах свои изделия.

Свои рассказы о лаборанте, приехавшем из Германии и научившим наших шлифовальщиков готовить шлифы, Д. С. Белянкин, как я теперь вижу, явно относил к Петцу.

В Москву с Минералогическим музеем Петц не поехал, он остался в Ленинграде, и, как сообщил И. И. Шафрановский, стал работать в лаборатории камней самоцветов (ЦНИИЖС). Скончался Петц, по данным Шафрановского, в Ленинграде во время блокады.

Историю А. Ф. Рихтера очень хорошо описал в 1968 г. проф. С. С. Кузнецов (Очерки по истории Ленинградского университета. Т. III // Изд-во Ленинградского государственного университета, 1968, стр. 121–123). По его данным А. Ф. Рихтер поступил в университет в 1903 г., когда ему было уже 30 лет. Прозвонило это случайно. Он был хорошим мастером, столлярно-краснодеревщиком и был приглашен в университет для ремонта мебели. Работая в университете, он появился на кафедре геологии, возглавлявшейся проф. А. А. Иностранцевым, чтобы выполнить тонкий столлярный ремонт музейных витрин. Иностранцев наблюдал аккуратность и умение работать и предложил А. Ф. перейти на кафедру лаборантом.

Старательный, трудолюбивый, честный и очень любопытный А. Ф. стал любимцем профессора. Он научился изготавливать шлифы горных пород, различать их под микроскопом. Научился препарировать палеонтологические объекты. Прекрасно фотографировал и изготавливал микрофотографии, чертил таблицы, изготавливал и монтировал многие учебные пособия.

Для нас, студентов, А. Ф. Рихтер был большим другом и со всеми нашими трудными вопросами, до того, как пойти к преподавателю, мы шли к А. Ф. и всегда находили у него ответ. Грубо и мрачно он разговаривал с нами, но тем не менее давал нам ценнейшие советы: на какую особенность минерала обратить внимание, как повернуть столики мик-

роскопа, чтобы получить нужные результаты и т. д., а иногда выручал и в более трудных случаях: переклеивал разбитый шлиф, монтировал свернутый столик микроскопа: да и мало ли бед у студентов.

Поразительный дух жил в университетских лабораториях, пишет С. С. Кузнецов. Та чуткая натура, которая была заложена в А. Ф., пришла здесь питательную почву. Уже через несколько лет пребывания в университете он сделался абсолютно необходимым сотрудником кафедры. Он отдал ей все свои силы, умение и весь жар своего сердца, он приходил на кафедру в 8 час. утра и работал до позднего вечера, до 11 час. и позже, и не было случая, когда к очередной лекции не были бы изготовлены необходимые диапозитивы или нужные модели.

В тяжелые годы Гражданской войны проф. А. А. Иностранцев серьезно заболел и А. Ф. Рихтер проявил благородство, истинную привязанность к больному одинокому старику, он посещал больного, кормил его, отдавая иногда ему свой скудный паек. Когда Иностранцев скончался, А. Ф. вместе с ассистентом В. М. Тимофеевым сколотили гроб и свезли на легких санях тело профессора на кладбище.

После смерти А. А. Иностранцева и отъезда его помощника Б. А. Попова из Ленинграда в Ригу А. Ф. Рихтер оказался почти единственным хранителем кафедры. В эти скучные и, главное, холодные годы, он собрал весь научный инвентарь кафедры и большие научные коллекции лекции.

В послереволюционные годы работы преподавателя университета и студентов смогли сильно расширить коллекции кафедры. Нам, студентам 20-х годов, занятия в музее, общение с А. Ф. Рихтером давали самое главное — широкое геологическое мышление и хорошие рабочие навыки.

Из сотрудников Геологического музея я хорошо помню художника Дмитрия Антоновича Лищенко. Еще до революции он заслужил себе имя крупного художника и некоторые его картины, как говорили, находятся в Русском музее в Ленинграде. Геологический музей, куда Дмитрий Антонович Лищенко пришел работать после революции, стал для него родным домом. В музее он проводил все свое время и не одна деталь в “образстве музея” не проходила мимо его внимания: как поставлены витрины, как разложены образцы и как положены к ним этикетки — все это он обсуждал с точки зрения художника. Схемы строения Земли, стратиграфическая колонка, геологическая карта его совсем не затрудняли. И все для музея им делалось без каких-либо разговоров и очень быстро. Не помню, чтобы его смущал ландшафт каменноугольного или мелового периода, здесь явно основу составляли зеленые листья, кой-какая трава и камень, совершенно такого же типа, как сейчас. Но вот когда необходимо было изобразить

“портрет” какого-нибудь мелового или юрского ящера, тут милейший Дмитрий Антонович становился в тулик. Он приходил к нам в молоденький закуток под лестницей и с горестью выпрашивал:

— Ну скажите, пожалуйста, какого цвета мог быть этот ужасный красавец?

Тут конечно шла импровизация, в которой Дмитрий Антонович играл первую скрипку:

— Но ведь это был травоядный зверь, и на него охотились хищники, следовательно, ему нужно было прятаться в листьях, а значит, он должен был иметь зеленый цвет.

Или:

— Если у “красавца” мощный хвост и крупные задние лапы, следовательно, он должен был, как кенгуру, проходить большие расстояния по степи, где была сухая трава, тогда он должен был быть желтым.

— Но ведь у него мощные задние лапы, он стоял на них и обдирал верхние ветки у растений. Это не степной травоядный жигель!

— Пожалуй, Вы правы, сделало я его в основном зеленым с желтыми и белыми подпалинами, как у зеленой ящерицы, ведь в лесу не только листья, но и стволы и сухие стебли, а он должен быть невидим на их фоне.

Дни через три мы ходили любоваться новым “портретом” довольно добродушной юрской зверюги.

Иногда Дмитрий Антонович ездил с нами в полевые экспедиции. Особенно запомнилась мне работа в Северной Осетии в конце 30-х годов. Тогда довольно долго я и В.П. Еремеев работали в верховьях ледника Сонгутидон. Приезжал к нам и участвовал в полевых экспедициях Д.С. Белянкин, некоторое время провел с нами Д.А. Лищенко. В один из маршрутов пошли мы с ним в верховья ледника. Я и Василий Петрович картировали на стенках Сонгутидонского ущелья отполированные ледником контакты молодой третичной сонгутидонской гранитоидной интрузии. Она залегает точно по разлому между мезозойской глинисто-сланцеватой флишевой толщей и древним гранитным основанием. Молодые граниты изменяют сланец. Они очень эффективно и интересно в виде жилков, иногда миллиметровой мощности, внедряются в древние граниты. Различить молодой гранит в таких жилах можно только по степени упорядоченности полевых шпатов, которая в молодых гранитах много меньше, чем в древних.

Д.А. остался на краевой морене ледника со своим этюдником, находясь в центре ледникового цирка, на возвышенности. Он нам был хорошо виден, мы же, сидящие довольно далеко, среди камней, ему, конечно, не были видны. В середине дня мы неожиданно увидели, что наш Дмитрий Антонович схватил свой молберт и бегом по изрытой

тропинке бежит вниз. Мы за ним, кричим, но он ничего не слышит. Только километр через пять у конца ледника в заброшенном шалаше скотоводов, где у нас была временная база, мы его догнали.

— Что с Вами Дмитрий Антонович?

— Знаете, испугался, такая тишина и временами ледник трескается. Чувствуется полная беспомощность человека перед природой.

По приезду в Ленинград Д.А. написал большую картину-пейзаж ледника Сонгутидон, она висит сейчас в моем кабинете в институте, как напоминание о годах молодости и больших дубзьях тех времен.

Дмитрий Антонович Лищенко умер в Ленинграде во время блокады. Хотелся мне рассказать еще об одном лаборанте с совершенно иной биографией. Это тов. Севко, изумительный любитель палеонтологической безбазовоночных, виртуоз-художник их очистки и препарирования. Он был одним из немногих сотрудников Ленинградского ГИНА, переехавших в Москву. И там, и в Москве он с упоением чистил отпечатки безпозвоночных и знал строение их раковин прекрасно.

Севко был старым солдатом, прошедшим всю войну 1914 г. на Кавказском фронте. Как-то уже много позже войны 1941–1945 гг. он попал к нам на квартиру и встретился с моим отцом. Разговор их длился в течение нескольких часов. Оказывается, они в ряде случаев были на одних и тех фронтах Первой мировой войны и участвовали вместе (конечно, не зная друг друга) в одних и тех же сражениях. Полюбил палеонтологию Севко уже в Ленинграде, работал в геологическом музее. В войне 1941–1945 гг. он не участвовал по возрасту.

В 1939–1940 гг. все мужчины, работавшие в институте, проходили военную подготовку. Командовал “соединением” Георгий Барсанов, получивший после окончания ВУЗа и переподготовки офицерский чин. Помощником, “старшиной” был назначен Севко. Для него понятно, что такое “старшина” было совершенно непреодолимой задачей. Контролировавший нашу военную подготовку работник военкомата после двух часов беседы, во время которой объяснял Севко его обязанности, наконец, сказал:

— Ну старшина — это почти то же, что фельдфебель в царской армии. Это для Севко было вполне понятно. В конце Кавказской войны Севко дослужил до чина фельдфебеля. После этого объяснения во время наших занятий Севко строго следил за дисциплиной, строем и прочими воинскими требованиями. Но чего ему это стоило, сказать трудно. Он бледнел, зеленел, краснел; явно было, что у него все переворачивалось внутри. Он привлек к чинопочитанию, и к уважению начальства. А тут, под его начало попало несколько его начальников по институту, в том числе и завледавший отделом В.В. Меннер, который, надо сказать, был не из самых внимательных бойцов. Сбить ногу на

марше, не так держать винтовку и прочие нарушения у В. В. были довольно часты. Бедный служака-Севко. Он должен делать выговор своему начальству:

– Боец Меннер, поправьте ногу.

– Сейчас, сейчас, постарайся.

– Боец Меннер, в строю не разговаривают.

– А что?

Смотреть на Севко было страшно, его лицо менялось в цвете, и он совершенно не знал, что делать. Ушел он на пенсию уже глубоководным стариком, но, и будучи на пенсии, приходил немного почистить тот или иной интереснейший образец.

Живых – был слесарем. Я совершенно не знаю, откуда он пришел к нам в институт. По-видимому, он остался у нас при переводе научных институтов Москвы в Ленинград с тем, чтобы освободить помещение для переводящихся в Москву учреждений Академии наук. (Напомню, что ИПЕМ сейчас занимает здание, построенное в конце 20-х годов для института цемента – части старого ВИМСа). У Живых была небольшая комната-мастерская, там стояло несколько столов. Живых был весьма начитан, но имел ли среднее образование, я не знаю. Это был исключительно умный человек, мастер на все руки.

После переезда в Москву мне пришлось возглавить оптическую лабораторию института. Первое время после переезда оптики у нас было очень мало, два-три хороших микроскопа новой послевоенной цинковой покупки и большое число старых развалюх, закупленных еще в прошлом веке или начале 1900-х годов. Тем не менее нам приходилось работать и на этом старье, которое все время ломалось. Вот тут я оценил талант Живых. Не было прибора, который он не мог починить. Ему приходилось выправлять тубусы микроскопов, делать новые микроскопы, делать вещи, на которые не всякий оптик может решиться. Живых клеил николи, серебрил зеркала и вставлял паутинки в окуляры. Сколько раз помогал он мне в установке стационарных приборов, и многие детали, которые я не мог точно установить, Живых устанавливал совершенно точно.

В течение 1940 г. все мы, геологи, проходили военную подготовку. Я уже говорил, что “старшиной” в нашем подразделении был старший служака Севко, а Живых был хранителем оружия. Все мы должны были за короткий срок собрать и разбирать винтовку, смазывать ее, готовить к хранению или к бою. Должен признаться, что особого рвения у всех нас не было, но долг есть долг, присажали инструкторы из военкомата, чтобы экзаменовать нас, и в этих случаях Живых был наш спаситель. Если Севко, бледней и красней, отчитывал нерадивого солдата, то Живых, издали вида, что кто-либо явно не укладывается в норму

тихо подходил и так ловко (и незаметно для экзаменатора) клал “капризную” деталь, что и задание оказывалось выполненным точно в срок. Очень большое испытание выпало на нашу долю весной 1941 г. Напомним, что во время заключения договора с Германией Советскому Союзу был предоставлен большой кредит. В счет этого кредита Академия наук выписала для нашего института примерно две сотни микроскопов и других приборов, изготовленных оптическими заводами Лейтца и Цейса. В марте 1941 г. весь этот заказ полностью пришел из Германии. С большой тщательностью мы с Живых раскрывали пришедшие ящики и монтировали все приборы. Но наше любование новинками продолжалось не долго. Уже в июле месяце началась подготовка института к эвакуации, и опять главной задачей было упаковать новые микроскопы. Живых был кудесником. Откуда и как он добывал щепки и упаковочный материал, неизвестно, но микроскопы лежали как влитые, прекрасно выдержали многодневный путь на Урал, и там их можно было сразу пустить в дело.

Где Живых провел войну, я не интересовался, но после войны он встретил меня той же милгой, хитрой улыбочкой, и вновь началась наша совместная работа, но продолжалась она очень недолго. Послевоенные реформы и централизация работ привела к созданию Центральной мастерской, где Живых уже не нашел себя. Несколько лет спустя он приходил к нам в институт. Он был на пенсии и прирабатывал мелкими работами. Конечно, такому мастеру-художнику работать на конвейере было скучно.

Различные судьбы, увлечения

В период начала моего ученья в университете там еще существовали “вечные студенты”. Правда, реформа ВУЗов в 1930 г. их уничтожила почти полностью, но многие события из их жизни очень интенсивно обсуждалось среди студентов. Кое-что я знал и по своему опыту, кое-что приходится говорить и по тем рассказам, которые курсировали в наши годы в студенческой среде.

Специализация в области той или иной науки возникла у студента, как я уже отмечал, на самых ранних этапах его обучения. Уже первые сдачи экзаменов “по максимуму” делали студента членом данной кафедр. Знания для экзамена нельзя получить, не общаясь с преподавателем, не читая специальную литературу (а при чтении иностранных книг неизбежно приходится консультироваться со знающими людьми). По словарю на первых порах невозможно понять все детали разбираемой статьи. Поэтому студент становился на всю жизнь “своим” на данной кафедре.

Могу рассказать такой случай. На первом курсе Тифлиского сельскохозяйственного института я сдал максимум по зоологии проф. Завриеву и года через четыре, вновь попав в Тифлис, встретился с ним опять. Естественно, он начал спрашивать меня, чем я занимаюсь, и очень удивился, что я стал геологом и петрографом:

— Но ведь Вы сдали максимум по зоологии, я думал, что Вам прямой путь в животноводы или зоологи.

Сколько я знаю прекрасных специалистов, самого высокого класса, которые так и не окончили ВУЗа. Вряд ли здесь следует перечислять их. Если они сами это всю жизнь тщательно скрывали, то и не стоит раскрывать их секреты!

В 50-е годы нам с Е. Д. Белянкиной пришлось работать на "Дутовке" — крупном месторождении слюды Мамского района. Одновременно с нами в том же районе работала геологическая партия Иркутского управления. Ее возглавлял Завалишин, и с ним вместе работала молодой геолог Львова, весьма развитая женщина, но довольно квалифицированный геолог. Душой отряда, конечно, был Завалишин, исключительно умный, увлеченный и знающий товарищ. Беда его, впрочем, была в том, что он был "самоучкой", так сложились его судьба. Но многие годы работы в геологическом управлении, общение со всеми иркутскими и приезжавшими в Иркутск геологами сделали из него изумительного и очень оригинально думающего специалиста высочайшей квалификации.

Следует указать, что геологическое картирование мамских метаморфических толщ в те годы шло в полный тупик. Явно чувствовалось, что слюдоносные пегматитовые жилы следуют структуре месторождения в целом. Мамская толща слюдиста и даже тонкослюдиста, а также сильно складчатая. Но слоистость этой толщи весьма однообразна. Никаких маркирующих слоев выделить в толще не удавалось. Все слои хотя и разные, но, в общем, сложены одними и теми же минералами. В одном обнажении хорошо удается наметить его структуру, выделить последовательность слоев, выявить более молодые и более древние слои. И на этой основе наметить складки и изгибы слоев. Однако протянуть слои нельзя. Пройдя некоторый задержанный участок, выходим на новое обнажение и опять в этом втором обнажении разобьется можно, а вот сказать, какой слой второго обнажения соответствует какому слою первого, невозможно. Набор слоев во всех обнажениях одинаков и обнажения, хотя и разные по структуре, но все "как кошки ночью" одинаковы: везде есть слои, обогащенные в той или иной мере гранатом, есть слои с кианитом, есть слои, не содержащие ни того, ни другого. Как их сопоставить? Тем более что мощности слоев непостоянные: слои могут утоняться и, наоборот, утолщаться.

Вместе с тем наметить общую, единую структуру всего района было необходимо. Пегматитовые тела явно тяготели к местам изгибов слоев, к местам ослабления давления, к тем местам, куда могла проникать гранитная магма и где она могла застаиваться. Во время длительных полевых работ приходилось много раз беседовать с Завалишиным и знакомиться с его работами. Карта, которую он составлял, была сначала очень сумбурной, но к концу лета она начала приобретать совсем другой характер. В карте стали выявляться крупные структуры, пласты протягивались через все месторождения и явно намекались места залегания пегматитовых участков. По этой карте появилась возможность прогнозировать поиски и намечать места, где следует бурить, с тем, чтобы выявить новые кусты слюдоносных жил. Оказалось, что Завалишин нашел способ сопоставления слоев в разных обнажениях. И способ этот оказался довольно простым: Завалишин начал считать слои, обладающие разным минеральным составом. В результате у него получалась сложная последовательность слоев, например, два слоя слюдяных сланцев, слой с кианитом, три слоя с гранатом, слой, содержащий и кианит, и гранат, опять слюдяной сланец и снова кианит-гранатовый. Когда у него собралось большое количество таких "наборов", то оказалось, что их можно сопоставлять между собой. Вместо одного маркирующего слоя появились характерные маркирующие наборы слоев.

Изобретенный Завалишиным метод геологического картирования оказался буквально "палочкой выручалочкой". Район, в котором ранее "все кошки были серы", получил прекрасную карту. Разведчики теперь могли вести поиски не слепым методом, проводя скважины просто в наиболее "благоприятных" местах или "по сетке", а теперь, после открытия, сделанного Завалишиным, уже более менее обоснованно, что дало огромную экономическую пользу.

Все мамские геологи слюдяники успешно взяли "на вооружение" метод Завалишина и карты слюдоносных, глубокометаморфизованных толщ приобрели совершенно другой характер.

Одна из Сибирских-Мамских слюдяниц — Чуйкина по семейным обстоятельствам должна была выехать из Сибири в Ленинград и конечно тоже занялась карельскими слюдоносными толщами, перенеся сюда метод картирования, изобретенный Завалишиным. И здесь этот метод дал блестящие результаты. Некоторое время спустя все северо-западные геологи вели пересъемку всех метаморфических толщ этим методом. Сейчас уже никто не вспоминает изобретателя этого метода, иркутского геолога-самоучку Завалишина. Сопоставление паечек слоев уже стало обычным: "это все знают и всегда все знали!"

Судьба же самого Завалишина оказалась довольно печальной. Его сотрудница, Львова, оказалась человеком не очень высоких нравствен-

ных качеств. Она на материалах совместных работ защитила кандидатскую диссертацию. Это правильно и беды здесь нет. Каждый сотрудник совместной работы имеет право на проведенную совместную работу. Кроме того, по своей квалификации она вполне заслуживала кандидатскую степень. Плохо было то, что, желая поднять свое значение, она резко снизила роль Завалишина в проведении работы, а ведь он был явным инициатором метода. Кроме того, она малость "полигла его грязью". Геологи Иркутского университета, зная Завалишина, как человека, и его работы, хотели принять его отчет как кандидатскую диссертацию, но ВАК не разрешил – у Завалишина де нет высшего образования. О большом значении работы Завалишина писал тогда из Иркутска в ВАК Е. В. Павловский, писал туда и я, но решение было "окончательным и бесповоротным". Завалишин, "оплеваный" ВАКом и ближайшими сотрудниками, обиженный, ушел из геологии. Жалы! Страна потеряла прекрасного, очень инициативного специалиста из-за пустых бюрократических зацепок.

Сколько мы знаем прекрасных специалистов, не имеющих вузовского образования. Великий Эюс не имел такого образования. Есть и сейчас несколько самых крупных ученых, не имеющих вузовского диплома и, несмотря на это, они наделены самыми высокими учеными званиями. Они смогли стать учеными и получить ученые степени только потому, что свою первую ученую степень получили тогда, когда не было этого бюрократического параграфа. Тогда в начале 30–40-х годов оценивался только научный уровень специалиста. И это было справедливо, какие огромные научные выводы сделали эти истинные ученые, не закончившие ВУЗа. Назвать их довольно страшно, а варт какой-нибудь бюрократ прицепится и тогда "пойдет писать губерния". Жалко Завалишина! Жалко и советскую геологию, которая потеряла талантливую исследователя.

На Маме я познакомился еще с одним талантливым геологом, это Н. И. Подоплелов. Беседовать с ним по геологии района было сущим удовольствием, так хорошо и глубоко он в те, 50-е годы, еще очень молодой человек знал месторождение и проблему слюды. Это исключительно цельный и последовательный человек. Выглядевший Мамой, он остался работать на Маме и уже отдал этому слюдяному месторождению всю свою жизнь. Он работает здесь более 40 лет. Сейчас на нем держится все Мамское слюдяное предприятие, хотя Н. И. не считается "Великим", но это, безусловно, крупнейший специалист, знаток слюды как "в горе", так и на производстве. Больше бы таких людей!

Раз пришлось вспоминать мамские встречи, то хочется мне припомнить еще одного человека. Работали мы в том году на руднике Колотровка в Мамском районе. Ответил нам для работ и небольшую халуту

на окраине рудника. В этой халуте вели мы обычную экспедиционную жизнь. Утром, после чая, выходили на маршрут или отправлялись на документацию вскрытых в процессе разведки новых петматитовых жил. Возвращались домой примерно ко времени ужина, но поскольку это было наиболее удобное время для принятия пищи, то ужин превращался в обильный обед.

Дней через пять после нашего приезда на рудник во время ужина к нам постуучался. Входил ладный мужик, крепкий, высокий хорошо причесанный и очень приятно одетый. Представляется:

– Я – дядя Костя Верещатин.

Начинает говорить о слюде, о петматитах, о сельском хозяйстве. Говорит хорошо с явным знанием дела, а затем заключает:

– Я никогда в жизни ранее не встречался с профессором, хотелось бы подробнее поговорить с Вами. Послезавтра воскресенье на рудник Вас не пустят, не зайдете ли Вы ко мне пообедать, и там поговорим более подробно.

Не помню, что я говорил отказываясь, но он заключил наш разговор сказав:

– Ну хорошо, я завтра найду к вам в такое же время и мы еще поговорим. Может быть, Вы все же найдете время ко мне зайти?

На следующее утро я у моих спутников-геологов и у начальника рудника выспрашивал:

– Кто такой дядя Костя?

– О, это знаменитый у нас человек! Среди рабочих он пользуется непрекращаемым авторитетом. Его всегда выбирают на самые ответственные должности. Сейчас он у нас председатель рудкома. Обязательно пойдите к нему. У него хорошее хозяйство, и он во многом помогает нашей работе на руднике.

Раз так, то мы согласились и в воскресенье днем были у него в гостях. У него был довольно большой рубленый дом. Ставил его он сам. Рядом с домом – огород, прекрасно возделанный: есть капуста, картошка, свекла, много моркови, репка и даже его большая гордость – арбузы. Нигде ничего подобного на Маме я не видел, все овощи сюда доставляли самолетом "с большой земли". Во дворе бегает живность – много кур, бродит козочка. Всем хозяйством управляет очень аккуратная пожилая женщина, нам он ее представил:

– Моя Хозяйка.

Разговор наш был не очень интересным, но обед же очень вкусным и необычным. Мы все лето сидели на консервах, здесь же дядя Костя угостил нас свежими шами и картофельными котлетами с овсями. Прошло уже почти 40 лет, но этот обед, столь необычный для Мамы, мне прекрасно помнится.